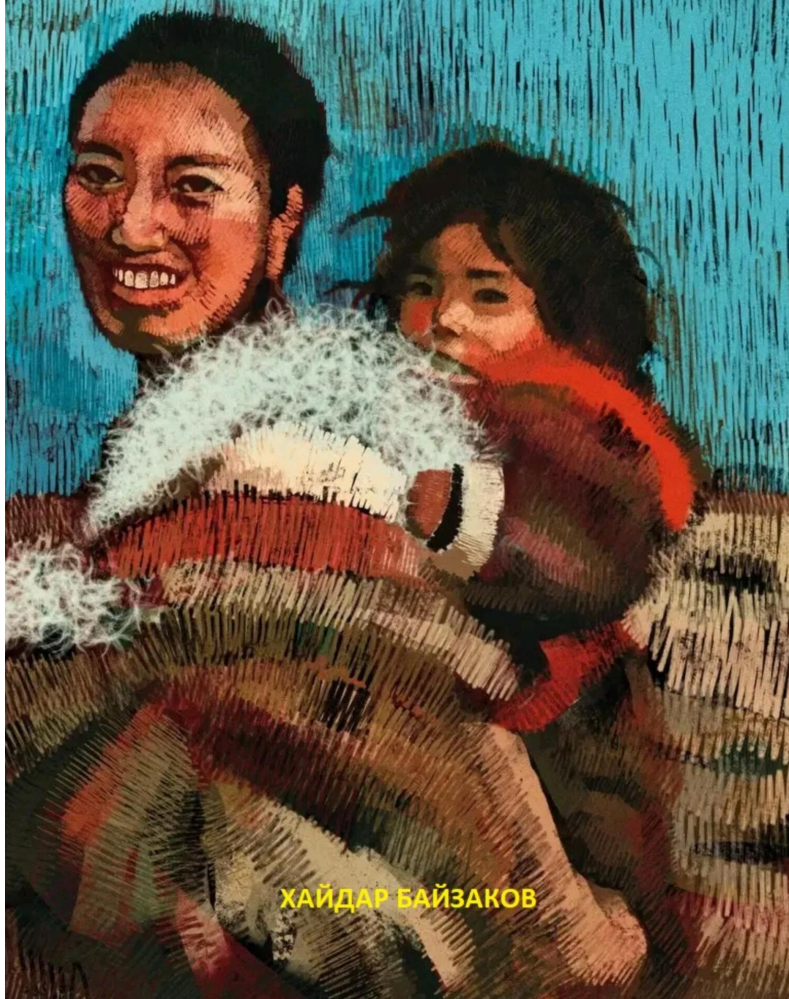

САРАЙШЫК

ХАЙДАР БАЙЗАКОВ

Хайдар Маратович Байзаков

Сарайшык

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68902122

SelfPub; 2023

Аннотация

Сарайшык и Степь XVI век. Судьба мальчика из Степи, взятого в ставку правителя Сарайшыка, служить переводчиком, толмачом.

Хайдар Байзаков

Сарайшык

Сарайшык – XVI век

Степь! Долгожданная!

Юный джигит верхом на молодой лошади несся навстречу солнцу. Копыта сильной кобылицы мягко ложились в светло-изумрудный ковер степи. Отвыкший от постоянной верховой езды, привыкший передвигаться пешком по замкнутому дворцу Сарайшыка, всадник с радостью снова ощущал силу конного полета на открытом просторе степи. Окружающие и бьющие прямо в ноздри сладковато-горькие, нежные и терпкие запахи степных трав дурманили и пробуждали у юноши забытые чувства. Шальной, как будто после выпитого пьянящего кумыса, джигит радостно кричал во весь голос.

Он спешил в родной аул. К отцу. Давно, как только он прошел первый мушел, двенадцатилетний цикл, то сразу же после встречи нового года, празднования Наурыза, отец отдал его во дворец Сарайшык. Чтобы не зависел сын от Степи с ее беспокойным характером. Чтобы всегда был сыт и в безопасности. Еще тайную надежду имел при себе отец. Он мечтал, что его сын станет могущественным мурзой при правителе Сарайчика. Чтобы он разрешал вечные споры между родами за земли, зимовки, за колодцы в пользу своего родного аула.

Жива была память, как тридцать лет назад в результате трёхлетней засухи и гололедицы зимой пал весь скот, началась междоусобная борьба, следом пришла эпидемия чумы, до половины населения Ногайской Орды вымерло, и стали роды откочёвывать на Северный Кавказ. Отец помнил эти времена. Как почерневшие от горя родители хоронили своих детей, погибших от голода. Как каждый раз сами умирали при этом. Как изможденные, истощенные от недоедания кочевники бились за каждый зеленый кусок пастбища, как брали силой друг у друг скот. Чтобы хоть один ребенок выжил. Чтобы не пропасть, чтобы было потомство, чтобы продолжался род.

Мурзы дворца именем правителя Сарайшыка собирали глав родов, аул, уважаемых старейшин для решения спор, возникших в Степи. И делили не поровну, а по совести и справедливости. А справедливость всегда была на стороне сильных и богатых. Поэтому так важно было для мудрого и все понимающего отца, чтобы его сын Касым стал могущественным в Сарайшыке, чтобы решал все споры между аулами в пользу своего рода. А иначе зачем тогда власть, если ты не используешь ее для себя, для рода?

Важные придворные мастера, прослушав мальчика и прощупав хрупкое тело, поручили последнее задание. Произносили незнакомые слова, и он в точности повторял их одно за другим. Заставляли слушать пение дворцовых птиц, и он, старательно вытягивая свою тоненькую шею, повторял их

мелодичность. Так его судьба в ставке правителя Сарайшыка была решена. Он стал толмачом. Переводчиком языков.

Отец очень огорчился. Он отдал лучших лошадей, чтобы его сын вырос в Сарайшыке, обрел там власть, могущество и стал бы самым главным по спорам между аулами в Степи. Чтобы их род возвысился над другими. А вместо этого Касым теперь станет переводить караванщиков. Несправедливо.

Учителем мальчика стал пленный грек. Древний, белый, как верблюд зимой. Много лет назад его захватили в одном из походов и доставили в ставку вместе с его богатой библиотекой.

Мальчик и Учитель сблизились. Оба, оторванные от домов, ощущали себя пленниками духовно и телесно. Учитель, одинокий со своими рукописями, и юный кочевник, запертый в глиняных стенах, лишенный простора степи. Мальчик вдали от родовой юрты.

Учитель хорошо взялся за его обучение. Впервые степняк увидел книги. И это не был священный Коран. А свитки, рукописи. Бумаги разговаривали с мальчиком на чужих языках и повествовали о других землях и других временах.

Вскоре юного толмача допустили к переговорам с караванами. Через Сарайшык лежали оживлённые торговые пути из Крыма, с Кавказа в Каракорум и Китай. Возили военное снаряжение, золото и серебро, изделия из стекла, кожу и шерсть, ковры и ткани, экзотические фрукты, курдючных

овец и охотничьих собак, леопардов и тигров. Из Китая караваны везли фарфор и металлическую посуду, лакированные изделия и косметику, чай и рис. В дорожных мешках купцов можно было найти слоновые бивни, носорожьи рога, черепашьи панцири, пряности и многое другое. Любопытный мальчик увидел интересных, не похожих на степняков, людей. Проходили тонкие и быстрые на движения генуэзские торговцы, важные пузатые купцы с Московского княжества, тихие продавцы шелка с Китая, одетые в невиданные легкие платья и халаты. Караваны получали пайцзу на беспрепятственный проход по всей территории и шли дальше. Еще интересней было, когда приходили послы или присылали письма. Тогда толмача наряжали и вели к правителю Ногайской Орды. Тихо стоял Касым рядом с мурзами и переводил им.

Вскоре рядом с Касымом появился еще один такой же мальчик, тоже толмач по имени Казбек. Такой же худенький, но с ясными голубыми глазами. Казбек лучше и быстрее переводил, чем Касым. Теперь только Казбека вызывали на встречу с послами и важными купцами. Все реже и реже Касым переводил тайные запечатанные послания, передаваемые обученными птицами. А он сам этому был только и рад. Ему больше нравилось проводить время с Учителем в его жилище, заставленном свитками и книгами. Он читал и читал, погружаясь в неведомый для степняка мир. И не замечал юный дворцовый толмач, как хмурится мурза Бату.

Касым возле поля, где обитали несколько сотен семей сурков, притормозил кобылицу. Опасно. На быстрой скорости копыто могло попасть в нору, и тогда гибель ждала ездока и лошадь. Всадник медленно побрел по полю сурков. Это место так и называлось, сурковое поле. Сурки издревле являлись объектами охоты кочевников. Из легкого и теплого меха сурка степняки шили головные уборы, легкие женские и детские одежды. Мясо сурка не ели, жир и желчь использовали для лечения многих болезней.

Грустные воспоминания нахлынули на Касыма на сурковом поле.

Два смеющихся подростка на маленьких рыжих степных лошадях, обгоняя друг друга, радуясь своим маленьким победам, ранним утром мчались по степи. Только перед сурковым полем они сбавили бег. Не только страх попадания копыт в одну из многочисленных норок остановил их. Но и одинокая фигура всадника на небольшом пыльном холме. Глаза, еще не испорченные книгами, свитками и привыкшие видеть дальние расстояния, смогли разглядеть, что это воин из ночной стражи.

Удивленно и испуганно переглядывались между собой Касым и Казбек, приближаясь к одинокому всаднику. В Степи все придерживались обычая, согласно которому тот, кто

желает оказать уважение при встрече другому лицу, должен сойти с лошади на землю; только равный с равным могут приветствовать друг друга, оставаясь на лошадях. Как себя вести в Степи с ночным стражником два юных дворцовых толмача не знали.

Улыбка никогда не сходила с лиц ночных стражников – даже на похоронах своих же. Они почти не спали и все время смеялись. И в это раз, ощериваясь, демонстрируя крупные желтые зубы, воин ждал, когда подростки приблизятся к нему. В руке он держал длинную деревянную крепкую палку. Ночные стражники играли в страшную игру, когда разбившись на две стороны, верхом на конях, деревянными палками, на концах обмотанными овечьими шкурами, катали отрезанную голову врага по полю, стараясь закатить ее, как можно дальше в сторону соперника. Окровавленная оскаленная голова швырялась с одной стороны на другую, при этом многоголосый смех ночных стражников раздавался над полем.

Размахнувшись деревянной палкой, он стукнул ею по передней короткой ноге коня Казбека. Конь жалобно захрипел, заваливаясь вперед вместе с всадником. Одновременно стражник спрыгнул на землю, подхватил падающего Казбека и резким движением мощных рук сломал тому шею.

Касым, ошеломленно наблюдая это быстрое действие, испуганно схватился за нож на поясе, но не зная, что делать. То ли скакать прочь во весь опор, то ли отбиваться. Трусливое

оцепенение напало на него. Пеший ночной стражник быстро приблизился, резко схватил всадника за его руку с ножом и легко сдернул того с седла. Уткнув свое звериное лицо к испуганному Касыму, улыбаясь, зашипел: «Благодари Бату! Это он сделал выбор. Оставайся здесь. Жди, никуда не уходи. Всем, кто будет спрашивать, отвечай, что конь Казбека копытом попал в нору сурка. Конь упал, сломал ногу, а Казбек – шею».

Затем стражник руками поднял пыль с земли и обсыпал голову, шею и бока хрипящего и прихрамывающего коня. После этого взял за одну ногу тело Казбека и протащил того на брюхе по пыльной земле. Таким образом, всем, кто оказался бы там после, стало бы ясно, что лошадь споткнулась о нору сурков, перевернулась в пыльную землю и погубила всадника.

Ночной стражник на своем коне, быстром и сильным, отличающимся ото всех степных лошадей, растворился в пробуждающейся степи.

До самого полуденного солнцестояния сидел Касым у тела убитого друга и плакал. Таким его и нашел дневной караул, который объезжал окрестности Сарайшыка, предупреждая опасности и угрозы ставке правителя. Испуганный мальчик, он ждал вопросов. Но пыльная, прихрамывающая лошадь, сломанная шея Казбека, любопытные сурки на изъеденном норами поле – все это составило нехитрую картину для прибывших.

После вечерней молитвы ночной стражник зашел за Касымом. Зловещая улыбка не покидала лицо убийцы. От этого еще страшней становилось бедному мальчику. Огни уличных костров высвечивали бледное лицо толмача, идущего следом за грозным воином. Испуганно метались тени от горящих факелов в полутемном дворце. Неожиданная мысль возникла в голове: воткнуть нож в шею стражнику и бежать. Вскочить на коня и в Степь. К отцу, в родной аул. Несколько раз нерешительно притрагивался Касым к ножу на поясе и малодушно опускал руку. Стражник, ни разу не поворачивая голову, зловеще смеялся, словно читая мысли несостоявшегося убийцы.

Толмач еще никогда не был у Бату, поэтому сквозь пелену страха детское, да и степное любопытство робко проглядывало, заставляя осматриваться. В центре полутемного большого жилища был разложен круг из камней, в котором ярко горел костер. Дым уходил в отверстие на потолке. Кто-то незаметный постоянно подкидывал сухие ветки саксаула. Шкуры хищных животных покрывали глиняные стены и пол. Тигры, барсы, медведи, волки и лисы. Грозные хозяева степей, лесов и гор теперь безобидно ублажали взор и приятно щекотали пятки и ступни ног. Пучки разноцветных ароматных и душистых степных трав аккуратно были разложены на полу и увешаны на стенах. Множество оружия. Глаза степного мальчика заблестели при виде опасного металла. Неви-

данные европейские арбалеты, двуручные тяжелые мечи, палицы с гирями, узкие шпаги, рыцарские закрытые доспехи. Юный кочевник никогда не видел такого, поэтому попытался представить себе, как это можно использовать в сражениях. С восхищением взгляд останавливался на оружиях батыров. Огромные луки, мощные сабли, длинные копья, украшенные конскими волосами.

С ужасом мальчик заметил, что на щитах и саблях осталась кровь. Запекшая, не свежая. Всегда после сражений воины оружие и доспехи моют, а потом очищают священным огнем, чтобы духи убитых не могли навредить. Если не очистить огнем, то в следующей схватке не выдержит твой щит пущенных стрел врага, ослабеет рука, держащая саблю. И будут ходить духи убитых по земле, пугая живых.

– Подойди, – тихий голос раздался сбоку. Крепкий мужчина, еще не прошедший четыре мушеля, четыре двенадцатилетних цикла, сидел на невысокой тахте.

Обычно степняки сидят прямо на земле. Без энергий земли, воды, воздуха и огня, без соприкосновения с ними не представляли свою жизнь кочевники. Огнем они защищались от злых духов, от земли получали силу. Степняки относились к земле, как к живому существу. Земля – это Мать, верили они и обращались к ней за помощью. Одним из самых страшных злодеяний считалось бить землю. Без нужды

кочевники даже траву не рвали с земли.

Отец разъяснял, что на тахте, не соприкасаясь с землей, возвышаясь над ней, сидят оседлые народы, которые потеряли близость со Степью, и огонь они разжигают теперь только для того, чтобы приготовить пищу.

Поэтому степняки сильнее, чем оседлые народы, будь гордым перед ними, – так наказывал отец молодому Касыму.

– Подойди, – тем же тихим голосом повторил приказ мурза Бату. Прищуренный взгляд, мощный бритый череп с двумя косичками. Две и более косичек могли позволить носить себе только степная знать. Остальные носили одну. У самого Касыма косички не было. Бритая голова, но с чёлкой спереди, как носят юные джигиты до того, как создадут семью.

Кочевники до самой глубокой старости имеют хорошее зрение, потому что их зоркие взгляды не встречают никаких препятствий и устремляются по простору степи. У обитателей Сарайчика взоры были ограничены стенами жилища, редко они глядели в небо и не было нужды для них смотреть дальше полета стрелы. От этого теряли они зрение к годам.

Бату, шурясь, внимательно осматривал испуганного подростка.

– Садись, – приказал он.

Касым нерешительно стоял, мысли стаей стремительных птиц пронеслись в голове молодого кочевника.

«Если сяду на тахту, то потеряю нить с землей, силу потеряю. А сила мне сейчас очень нужна. Если сяду на землю, а Бату будет сидеть на тахте, выше меня, то я принижусь перед ним? Отец говорит, что степняки всегда выше тех, кто не сидит прямо на матери-земле и не очищается священным огнем». Такие мысли одолевали юного обитателя Сарайшыка.

В конце концов Касым просто решил стоять.

«Строптив или глуп?» – подумал Бату, при этом брови удивленно взметнулись вверх. Не было в Сарайшыке того, кто не выполнял распоряжения Бату. Именем Урус-бия, правителя, отдавал приказы могущественный мурза.

– Твой отец привел тебя из Степи, чтобы ты отдавал все силы Сарайшыку. Почему не выполняешь волю своего отца? – теперь уже не тихо, а громко и грозно произнес слова Бату.

– Я читаю, – не поднимая глаз, виновато ответил толмач.

– Ты спрятался у Учителя, зарылся в свитках вместе с ним и перестал служить. А Казбек врагом оказался. Неправильно переводил. Неправильно! – со значением повторил это слово влиятельный мурза.

– Как неправильно!? – удивленно воскликнул, вскинув голову, Касым. – Он лучше меня знает языки! Знал, – поправился опечаленно подросток.

– Правильно переводить – это, когда нужные слова надо передавать, а не все, что слышишь и видишь. В Сарайшыке верность важнее способностей и знаний, – прищуренный

взгляд опытного мурзы внимательно изучал реакцию юного толмача на сказанные слова.

Ничего не ответил пораженный подросток.

– Поэтому и сломал он шею, – продолжил удовлетворенный Бату.

– И мне тоже сломаете? – тихо спросил Касым.

– И тебе тоже ломаем. Но не этого ты должен бояться. Ночные стражники помчатся в твой аул и предадут его огню. Не священному, а уничтожающему. И головой твоего отца они будут играть в свою страшную игру. Никогда тело отца не будет предано земле. Никогда! – крикнул влиятельный мурза, бешено сверкая глазами.

Долгая, звенящая, мрачная и жуткая тишина повисла между двумя людьми. Беззвучно сгорали ветки саксаула в очаге, тускло блестели покрытые кровью оружие и доспехи, духи невидимых воинов с кровоточащими ранами окружали испуганного степняка.

Новое испытание ставили перед Касымом влиятельные люди. И оно было пострашнее, чем проверка его способностей.

– Я буду правильно переводить, – поднял мокрое от слез лицо юный толмач.

– Твоим решением будет гордиться твой отец. Слушайся меня. И только так ты исполнишь волю своего отца, – при

этих словах влиятельный мурза встал с тахты и ободряюще приобнял испуганного юного толмача.

Как первый раз объезжают скакуна, укрощают его, рвут губы уздечкой, сжимают крепко бока, ласково гладят по шее, а в конце крепкой рукой направляют вымотанного и приструненного коня туда, куда надо. Так и опытный мурза поступил с юным толмачом. Где угрозами, где ободряющими словами Бату подчинил Касыма своей воле.

Но после этого Касым стал навсегда себя чувствовать не свидетелем убийства, а одним из исполнителей. Одним из убийц доброго и всегда улыбающегося Казбека.

Утром слуга мурзы вывел бледного, невыспавшегося юнца из Сарайшыка в степь, где пасся дворцовый табун.

– Выбирай, – показал головой слуга в сторону коней. – И благодари щедрого Бату-мурзу.

В зрелости и старости долго перевариваешь события не только прошедшего дня, но и прошедших лет. Прелесть юности – забывать, что происходило с тобой накануне. Только вчера ты плакал, а сегодня утром у тебя глаза уже радостно сияют.

У жителей Степи нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров. Главное их богатство состоит в лошадях; мясо и кожи их служат лучшей пищей и одеждою, а приятнейший напи-

ток – молоко их и то, что из него готовится. В Степи нет ни садов, ни построек; место развлечений – пастбища скота и табуны лошадей, и ходят степняки к табунам любоваться зрелищем коней. Глядя на игры лошадей, их бег, кочевники издают искренние звуки восхищения или разочарования.

Загорелись глаза Касыма при виде лошадей. Но это не были уже виденные местные степные, рыжие, маленькие, но выносливые лошадки. А привезенные, подаренные, выкраденные, выкупленные лучшие скакуны со всего света. Грაციозные, быстрые, с блестящей кожей, гордо несущие свои красивые головы на длинных шеях.

– Выбирай, – скучно повторил слуга из оседлых народов, не понимая радость кочевника.

Касым бросал взгляды на множество лошадей и не знал на ком остановить свой выбор. Глаза разбегались при виде такого разнообразия сокровищ. Каждый скакун был красив по-своему.

Белый жеребенок, оторвавшись от своей мамки, такой же белой кобылицы, играясь, прыгая, высоко поднимая свои хрупкие ножки, подскакал к Касыму.

Настороженно ткнув шею, обнюхивая пустые протянутые руки улыбающегося, радостного подростка, жеребенок вдруг тоненько заржал, то ли обижаясь, что в руках Касыма ничего

нет, то ли приветствуя. Кобыла, подняв голову от пощипывания травы, грациозно протрусила к своему детенышу.

– Вот, – довольный степняк сделав свой выбор, показал на глазастого жеребенка.

– Да будет так, пусть светлыми будут ваши дороги, – слуга равнодушно произнес обязательные слова при выборе лошади.

– Аксанлак! Так я буду тебя звать! – крикнул радостный Касым смешному жеребенку, удаляющемуся вслед за своей матерью.

С того времени четыре мягких зим и четыре сочных щедрых лета прошло. Касым научился правильно переводить. Привык слушаться Бату. Привык хитрить, обманывать, недосказывать.

Все части света, откуда приходили купцы, были распределены за каждым отдельным мурзой. Бату не занимался всеми торговцами. Но ему все было интересно. Касым был его ушами и глазами при встречах чужестранцев-купцов и мурз дворца. И получив наставление у Бату вначале переговоров, юный толмач действовал по его приказам, переводил так, как тот указывал. Так Касым несколько раз обманывал обе стороны, купцов и других мурз, переводя чуже-

странцам, что от Сарайшыка дальнейший великий караванный путь закрыт весенней разлившейся рекой, оползни накрыли все тропы и ждать придется очень долго. Он не совсем обманывал, просто преувеличивал опасность и время ожидания открытия пути. Но купцы, не желая ждать, на удивление мурз, поскорее избавлялись от товаров, которые могли испортиться. Местные торговцы с готовностью раскупали весь товар по низкой цене. А потом собирали мешочки с монетами с благодарностью для Бату-мурзы.

Только однажды один быстрый на движения купец с далекой страны, выслушав, как толмач переводит слова о временно закрытом караванном пути, внимательно оглядывая Касыма, сказал ему на своем языке: «Самый скоропортящийся товар – это люди. Не потеряй себя так скоро, мальчик».

Касым знал, что если раскроется ложь, то отрубят ему голову. Но продолжал степняк обманывать не ради получаемых от Бату наград в виде лошадей и оружия. Везде во дворце он натыкался на скалящегося ночного стражника, и цепенел каждый раз при встрече юный толмач от страха. Страх за себя и за отца удерживал его того, чтобы пойти и донести все правителю. Тот мог просто отдать приказ, казнить всех.

Между двух огней оказался юный толмач. Глубоко увяз степняк в непонятной для него дворцовой игре.

После Наурыза, когда наступал новый год, правитель Сарайшыка вместе со своим двором, слугами традиционно вы-

ходил в Степь. Он объезжал ближайшие владения, смотрел своими глазами, как его народ пережил зиму. Мурзы выслушивали жалобы степняков на падеж скота от зимних условий, на раздоры между родами и аулами из-за земли, на кражи лошадей. Несколько восходов и заходов солнца должно произойти, прежде чем правитель возвращался обратно во дворец.

Толмач не нужен был в таких выездах, поэтому Касым воспользовался этим временем, чтобы навестить отца.

Придворный толмач отпустил поводья, отдав Аксанлак право самой выбрать темп бега. Молодая кобылица, почувствовав свободу, всецело отдалась своей молодой природе. Кровь бежала по сильным мышцам, заставляя любоваться собой, своей мощью. Ее чувство передалось и Касыму. С гордостью он оглядывал необъятные просторы. Это в Сарайшыке он слабый, зависимый, с переломанной волей. А в Степи он вольный кочевник, он наедине с природой. Здесь он живет полной грудью, вкушает ароматы, запахи. Видит все краски. Зеленая земля, вечное синее небо. Жизнь представляется бескрайней, как Степь.

И только серые встречающиеся камни напоминали о смерти. Покосившиеся каменные изваяния, изображавшие человека. Балбалы. Сооруженные в честь умерших каганов, султанов и батыров. Хоть и пришли проповедники ислама в Степь, и правители Сарайшыка воздвигли большую мечеть

в центре своей ставки, все равно кочевники почитали духи ушедших и верили в верх и низ мироздания, которые выражались в Тенгри (Небо), Жер-Су (Земля и Вода) и Умай (женское божество, покровительница всего живого).

«Камни помнят, камни помнят все», – так думал Касым, слезая с лошади, чтобы остановиться у балбалы и попросить у духов светлой дороги.

Толмач умел читать надписи. В основном, на камнях были сказания о подвигах. Но ему запомнилась надпись, которую он прочитал в одном древнем свитке, описывающим такие же балбалы, но в других землях.

«С любовью смотрите на нас. Мы были такие, как вы. Вы будете такие, как мы».

Уже солнце готовилось уйти за горизонт, и первые звезды робко начинали светиться, когда путник приблизился к своему родовому аулу. Маленькие вспышки огней костров указывали путь домой. Обычный аул из двух десятков юрт.

Чуткий слух кочевников уловил далекий бег одинокой сильной лошади с легким всадником, и любопытные аульчане вышли из своих юрт, чтобы посмотреть на путника. Касым уже слез с лошади, чтобы пешком пройти по аулу и выказать уважение, здороваясь не сверху, а на равных, на земле.

Все узнали сына уважаемого Едиль-батыра. По степной традиции Касым задавал каждому встречающемуся традиционный первый вопрос: «Здоров ли твой скот»? И только

потом уже расспрашивал кочевника о нем самом, о его семье. Благополучие скота – главного богатства степняков, ставилось превыше всего.

Некоторые женщины выходили с чашами, наполненными кумысом, спеша угостить путника после долгого пути.

Пройдя весь аул, Касым продолжил пеший путь, ведя за уздцы лошадь, чтобы добраться до отца.

Большая юрта главы аула традиционно ставилась на краю поселения. Но теперь жилище уважаемого Едиль-батыра расположилось подальше от своих сородичей на расстоянии полета стрелы. Ему нужен был покой. Он умирал.

Отец Касыма ранней зимой провалился в замерзшую реку, когда гнался за волками, которые задрали несколько овец. Тонкий первый лед не выдержал веса батыра вместе с его горячим конем, увлеченным погоней. Его сразу же спасли. Длинными арканами, сплетенными из конских волос, вытащили из полыньи. Мокрого, облепленного ледяными крошками, перенесли в теплую юрту, все тело натерли бараньим жиром. Напоили горячей шурпой из самой жирной овечки, принесенной в жертву духам тут же на белом снегу. Зимой кобылицы, в ожидании приплода, не давали молока, поэтому только теплым верблюжьим молоком с кусочками жаренного бараньего жира поили замерзшего. Но коварный ледяной холод успел глубоко войти в мощное тело батыра. И теперь изнутри забирал всю силу степняка.

С грустными мыслями подходил сын к одинокой юрте, у входа которой было установлено копьё с развевающимся знаменем с изображением родовой тамги.

До этого дня отец постоянно навещал Касыма. Маленьким караваном, в котором три лошади, да два навьюченных верблюда, вместе с сопровождающимися, Едиль-батыр въезжал в караван-сарай. Оставив спутникам овец, меха, шкуры, луки, стрелы, конные седла, все то, что получал, добывал и делал аул для обмена на другие товары, заботливый отец пешком спешил во дворец. Дальше караван-сарая на территорию ставки правителя на лошадях, верблюдах и вообще любым животным вход был запрещен.

Никому не разрешалось передвигаться верхом по Сарайшыку, за исключением правителя и его приближенных. Власть на то и власть, чтобы выше должна быть и отличаться от других.

Зато коровьих лепешек, конских, верблюжьих и овечьих отходов не было на чистых улицах города. И запахи были только от приготовления пищи.

Расположившись вдвоем на берегу реки, опоясавшей Сарайшык, подальше ото всех, отец и сын вели неторопливые беседы под нехитрую еду. Никого ближе не было на свете друг у друга. Без матери рос мальчик.

В первую встречу после убийства Касым вначале еще по-

рывался рассказать о трудном испытании и решении, который заставил его выбрать Бату-мурза. Но обнимая мощную шею и вдыхая родной запах, он на мгновение представил себе, как скалящиеся ночные визири катают окровавленную голову отца по пыльному полю и в страхе зажмурился. На все заботливые расспросы он отвечал, что ему нравится в ставке правителя, и он только немного скучает по дому, по отцу. Чуткое родительское сердце что-то подсказывало Едильбатыру, и он предлагал сыну, забрать его обратно в Степь. Но снова внутренне ужасаясь представленной картиной на поле, Касым, внешне показывая беспечность и отказываясь от этого. А только после расставания тихо плакал в одиночестве. Трудный выбор принял и тяжелую ношу нес мальчик.

Теперь Касым сам шел к родному очагу. Пешком, ведя за узды белую лошадь.

После долгого конного перехода он покрыл Аксанлак теплой накидкой, чтобы медленно остывала она, и вечерняя прохлада не застудила разгорячённую кобылицу. Нельзя сразу бросать лошадь после бега. Нужно быть рядом с ней, неспеша идти, успокаивая ее. Чтобы ее сердце постепенно снижало ритм биения, чтобы разгоряченные мышцы не резко остывали. Дав Аксанлак овса из дорожной сумки, Касым поспешил к отцу.

Наклонившись вперед, чтобы не стукнуться головой о низкую перекладину ворот юрты, джигит вошел в родное

жилище.

Низкая перекладина в юртах была предназначена для того, чтобы входящие кланялись. Юрта – это обитель счастья, всего самого дорогого и живого, что есть у степняка, и только перед входом в жилище склоняют голову все гордые кочевники, независимо от богатства и положения, а больше нигде и ни перед кем. И еще наклоняются, когда выходят из юрты, таким образом приветствуя мир и воздавая уважение Степи.

В большой юрте отца было жарко. Горел очаг в центре, пахло адраспаном, степным растением, дымом от сожжённых веток которой очищали жилище от злых духов.

– Сынок, айналайын, ты пришел, – лежащий на корпешках и подложивший под голову старое седло вместо подушки мужчина слегка приподнялся. От некогда мощного телосложения батыра осталась только желтая тень. Отец приближался к своему четвертому мушелю, но резко обострившееся морщины делали его стариком.

Глядя на осунувшееся, пожелтевшее от болезни лицо, на ослабленное похудевшее тело, у Касыма непроизвольно выступили слезы. Больной, увидев его взгляд, отвернулся, только сын успел заметить, что глаза отца тоже предательски заблестели. За это мгновение без слов отец и сын мысленно успели передать друг другу самое главное в это время.

– Отец, ты умираешь?

– Да, сынок, я умираю.

– Но так нельзя! Слишком рано!

– Такова жизнь, сынок.

– Как же я без тебя?

– Мне больно оставлять тебя одного в этом мире, сынок.

Такой молчаливый диалог состоялся между сыном и отцом, только глазами они выразили всю любовь друг к другу.

Касым прилег рядом. Отец и сын молча лежали под шаныраком, уставившись в открытое отверстие наверху, наблюдая за звездами и бережно держа друг друга за руки. Ладонь Едиля-батыра, ранее большая, горячая, в ней когда-то легко тонула ладошка маленького сына, теперь с болезнью ссохлась, размерами стала почти равной, как у Касыма. Слова были излишними.

Неожиданно дверь широко распахнулась и в юрту, пригнувшись крупным телом, вошел высокий, плечистый джигит. Бросив охапку сухих веток, он бросился навстречу вставшему Касыму. Тепло обнялись они. Тимур, с одного рода, ровесник, зачинщик и заводила совместных детских игр. И самое главное – молочный брат Касыма. Мать Тимура одинаково кормила грудью и своего сына, и Касыма. Только благодаря этому и выжил единственный сын Едиля-батыра.

Все жители бережно ухаживали за одиноким главой аула. Но Тимур бывал чаще всех.

– Отец, мы выйдем с Тимуром поговорить, чтобы не шуметь, не мешать тебе?

– Нет, будьте здесь. Вы мне не мешаете. Мне приятно смотреть на вас и слушать. Да и поздно уже. Вы храбрые джигиты, но ночь – время джиннов и других злых духов. Сидите в юрте.

Молодые люди с теплотой осматривали друг друга. Хоть и были они ровесниками, курдасами, но взрослее казался Тимур. От постоянной заботы за лошадьми, охоты за животными, стычками с враждующими родами, столкновений с весенними ураганами, снежными бурями, мужественней и крепче Касыма он выглядел.

– Твоя кобылица у юрты? – хитро прищурившись и улыбаясь, спросил Тимур, как всегда держа наготове что-то неожиданное.

– Да моя.

– Давай я своего коня приведу, будет покрывать он ее! Такие жеребята пойдут! Вся Степь завидовать станет! – с восхищением предложил Тимур.

– Да твой конь даже не достанет ее! Как щенок будет прыгать! – Касым вытянул вверх обе руки, смешно показывая, как маленькие собачки пытаются дотянуться до чего-то высокого, недоступного.

Оглушительный смех троих степняков сотряс юрту. Яркие огни домашнего очага выхватывали радостные лица. Тени, бросаемые костром, весело металась по уютному жилищу.

На мгновение Касыму показалось, что вернулись прежние

беззаботные времена. Что сейчас начнут есть они свежее варенное мясо, запивая вкусным кумысом, а потом будут слушать Едиля-батыра, рассказывающего о походах, о быстрых конях, о смелых батырах.

Что не было и не будет ни страшного ночного стражника, ни коварного мурзы Бату, ни невинно убиенного Казбека...